

що я хочу, отже я вільна людина, яка завжди досягає бажаного. Головне не замислитися над тим, що будь-яке моє бажання існує до того, як я його побажав. Але масі не властиво замислюватися, адже вона постійно знаходиться під впливом імпульсів інформаційної всеможливості.

Екранний простір своєю владою ілюзорності гіперболізує нашу свободу навіть у контексті споконвічного буттєвого питання життя і смерті. Як перестати внутрішньо переживати за власну конечність, за те, що мене скоро не стане. Дуже просто: звикнути до цього. Якщо людина переживала б зникнення достатньо регулярно, чи було б таке зникнення трагічним для неї? Поверхня екрана як аксіологічне джерело наших устремлень зручна тим, що вона постійно мерехтить, тобто поява ціннісного об'єкта вже передбачає його зникнення. Все чого я хочу, я можу отримати, спожити і воно повинне зникнути, щоб спорожнілий інформаційний простір наповнився іншою можливістю, адже їх так багато. Уявімо просту ситуацію: Кінозірка – мрія маси. Маса марить нею. Вона є кумиром, об'єктом бажань і знаковою постаттю, яку наслідують. Для цього постійно мерехтить на екрані. – Раптово зникає з екрану. Нічим про себе не нагадує. Забувається. – Через п'ятнадцять років людина, що була колись цією зіркою, помирає. – Задасось питанням: як людина-маса поставиться до факту цієї смерті? Зрозуміло, що цей факт або взагалі не зацікавить мас-медіа, або, що вірогідніше, оголошення про смерть буде супроводжуватися інформацією про зіркові роки, час коли, людина була знаком на екрані. На екрані буде подана смерть знака, а не людини, і маса знову розважиться, згадавши цей знак. На площині цифрового екрану „думка про єдине можливе безсмертя, а саме безсмертя штучного творіння, лише відтіняє собою іншу ідею, яку і втілюють кінозірки, – що *сама смерть може виблискувати власною відсутністю*, що вся вона завершується видимістю, яскравою та поверхневою, що вона – спокуслива зовнішність...” [4, 173]. Таким чином маса набуває свободи від самого страху смерті.

Свобода, широко пропонована та декларована, зафіксована в безлічі знакових форм, в інформаційній цивілізації зводиться, таким чином, до можливості спожити знак-образ, позбавитися страхів, розважитися, не звертаючи уваги на відсутність сутнісних якостей, притаманних тому чи іншому явищу. Так само не звергається жодної уваги на сутнісні якості людини, зокрема на необхідність вивільнення творчої енергії, обов'язковість самостановлення та самоідентифікації. Я ідентифікований в тому випадку, якщо в мене є ознаки маси (коди, що дозволяють оперувати інформацією: документи, професійна приналежність з відповідними функціональними здатностями, зафіксованість у вигляді знаку на носіях інформації тощо). Таких кодів цивілізація надає мені безліч і я маю всеможливі вільний вибір. Більше того, я не можу завдяки вольовому поривові, звільненню власної творчої енергії перестати бути масою, адже будь-що створене мною в момент цього творіння перестає ним бути: маса поглинає все в якості себе самої. Маса є некомунікативним середовищем, тому люди-маси не здатні обмінюватися

ідеями, знанням, почуттями, емоціями, енергією, *свободою*. Ми можемо обмінюватися лише інформацією, циркулювання якої є основою сучасної цивілізації, яка забезпечує нам, масі приємне, розслаблене існування.

Отже, маса поглинула всі значення, знищивши їх. Що ж ми тоді робимо, коли теоретично розмірковуємо над проблемами людської свободи і творчості, особистісного самостановлення та самоідентифікації? Скоріше за все, ми просто продукуємо знаки, обравши в даний момент з безлічі всеможливостей можливість міркування про свободу. Навіщо це нам? По-перше, це наша професійна функціональна здатність, один з наших масових кодів. По-друге, це приємно. Адже розмірковуючи про свободу, ми автоматично маємо на увазі, що вона стосується певним чином наших сутнісних можливостей (комплементарна частина для маси завжди найважливіша). Фактично, ми споживаємо можливість розмірковувати про свободу, жодним чином не переносючи всі народжені чи сприйняті значення в сферу дійсності, адже нашою дійсністю сьогодні є маса зі своєю інформаційною реальністю, в якій будь-яке значення автоматично зникає, перетворившись на знак, який сам по собі продукує значення на основі виключно факту всеможливого впливу на масу.

Література

1. Адорно Т. Проблемы философии морали. – М.: Республика, 2000. – 248 с.
2. Бердяев Н. А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 364-462.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – 260 с.
4. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000. – 320 с.
5. Дельоз Ж. Супільство контролю. Post scriptum // Література Плюс. – 1999. – № 14. – С. 6-7.
6. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – С. 28-286.

И.О.Гуркало

ВОЗДЕЙСТВИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ВЛАСТИ – ЗНАНИЯ НА СУБЪЕКТ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ В ФИЛОСОФИИ МИШЕЛЯ ФУКО

Фуко розглядає дискурс як певний соціальний механізм, що пронизує всю діяльність людини, сягаючи сфери свідомості та підсвідомості. Концепція „влади” Фуко дає можливість нового розуміння людини ХХ ст., а сама влада, на його думку, ідеально реалізує свою діяльність у в'язниці, яка формується в просторі політичного дискурсу.

Очевидно, что одной из главных проблем философии Фуко является проблема субъекта. Формирование субъекта происходит под воздействием власти, где власть выступает не как некий институт или структура, и не как некая сила, которой нас наделяют, а как целое формирование комплекса стратегий в том или ином обществе. При этом структуры власти выступают как децентрированные образования, специфика которых в том, что они везде. Власть свойственен комплекс отношений, который пронизывает весь социум. Необходимо исследовать технологии власти – знания с целью определения условий формирования субъекта.

Субъект существует в дискурсе, который в свою очередь производит различные стратегии власти. Исследователи отмечают, что для Фуко периода „Археологии знания” главными являются вопросы о том, „где обнаружить, в каких терминах обозначить и какими понятийными средствами закрепить ту область, в которой соизмеряются друг с другом такие разнородные образования исторического процесса, как факт языка, философская идея, юридический акт, религиозная проповедь” [2, 63]. Фуко указывает, что полем соизмерения таких различных культурных феноменов является дискурс, понимаемый как социально обусловленная организация речи и действия. Н. Автономова показывает, что именно дискурс позволил Фуко исследовать безумие, сексуальность, смерть и т. д., поскольку дискурсивный анализ позволяет исследовать речевые высказывания не только с лингвистической точки зрения, но и с учетом социально устанавливаемых „норм и правил, артикулирующих задействованные в разных стратегиях дискурсивные элементы” [3, 55]. В рамках анализа дискурса оказывается, что исследуемый объект формируется дискурсивными практиками и вне этих практик не существует.

Одна из главных проблем исследований Фуко становится отношения власти и знания, социального и познавательного, определяющие всю совокупность специфических возможностей культуры в каждый данный исторический момент. Знание в каждую конкретную историческую эпоху определяется, по Фуко, той или иной „социальной механикой”, „социальной технологией” [1, 146]. Не существует чистого знания, поскольку знание всегда строится по канве отношений власти. Механизмы власти всегда позитивны и продуктивны, в частности, именно они порождают ту или иную реальность, тот или иной тип знания. Знание – иногда зло и всегда – сила, оно одушевляется не безличным поиском истины, но страстями и инстинктами, побуждениями, желаниями, насилием. Власть порождает знание, а знание есть власть [1, 146].

Фуко анализирует власть как сеть, переплетение активных, напряженных отношений сил. В распоряжении власти находится дискурс, в рамках которого обосновывается само достоинство, ценность, величие „человеческой природы” [5, 151]. По мнению мыслителя, если бы власть имела только функцию

подавления, если бы она действовала по образцу цензуры, исключения, преграждения, вытеснения в духе какого-то большого Сверх-Я, если бы она осуществлялась только негативным способом, то она оказалась бы очень хрупкой. Но коль скоро она сильна, то это потому, что она производит позитивные воздействия на уровне желания, а также на уровне знания. Власть отнюдь не мешает знанию: она его производит. Если у нас могло создаться некое знание о теле, так это только с помощью совокупности военных и учебных дисциплин. Только исходя из власти над телом стало возможным физиологическое и организационное знание [6, 166]. Человеческое тело всегда и везде оказывается непосредственно пронизанным и „заполненным” соотношениями социальных сил, которые принуждают его к работе, обрядам или ритуалам, казнят или контролируют.

Одной из технологий власти – знания и ярким воплощением этой зримости выступает наказание, которое используется тем или иным обществом в разные исторические периоды. В период средних веков основным способом наказания была публичная казнь, вершившаяся долгими часами или даже днями как пышное театрализованное зрелище и осуществлявшаяся на теле преступника. Всякое достаточно серьезное наказание должно было заключать в себе элемент пытки. Пытка есть некая техника, и не следует видеть в ней предельное выражение беззаконной ярости, она является элементом карательной литургии и отвечает двум требованиям: она должна помечать жертву либо собственным блеском клеймить ее позором [7, 28], и в первую очередь как того, кто уклоняется от истины. Публичная пытка, казнь выступает не только как судебный ритуал, но в основном как воля политического дискурса, где власть показывает себя.

В век Просвещения новая диспозиция власти трактует наказание в соответствии с теориями общественного договора: преступник нарушает договор и, следовательно, становится врагом всего общества. Идеальное наказание должно отражать преступление, за которое оно карает. „Необходимо четкое соотношение между природой преступления и природой наказания” [7, 154]; преступник, прибегший к насилию, должен подвергнуться физическим страданиям, лодырь – изнурительному труду, подлый – бесчестию. Наказание выступает уже не как симметрия мщения, а прозрачность знака относительно того, что он означает.

Главную роль в наказании играл устрашающий пример публичности: физический ужас, коллективный страх, образы, отпечатывающиеся в памяти зрителей; но теперь основанием выступает урок, дискурс, расшифровываемый знак, явление и картина общественной нравственности. За совершением преступления немедленно следует наказание, вводя в действие дискурс закона и показывая, что кодекс связывает не только мысли, но и реальности. Связь, непосредственная в тексте, должна быть непосредственной и в действиях [7, 161].

Наконец, „пенитенциарная” доминанта современной эпохи (ее начало – рубеж XVIII и XIX веков) – это дисциплинирование тела и души, манипулирование ими, дрессировка. Главный ее принцип – „всеподнадзорность” – пронизывает всю социальную структуру и находит свое преимущественное воплощение в институте тюрьмы как обобщенном типе наказания [1, 148]. Основная функция дисциплинарной власти – „муштра”, нацеленная на то, чтобы изымать и взимать больше [7, 248]. Дисциплина разделяет, анализирует, различает и доводит процессы подразделения до необходимых и достаточных единиц. Являясь специфической техникой власти, дисциплина „фабрикует” личность, рассматривает индивидов и как объекты власти, и как орудия ее отправления. Успех дисциплинарной власти объясняется использованием простых инструментов: иерархического надзора, нормализующей санкции и их соединения в специфической процедуре – в экзамене.

В классический век создаются „обсерватории” человеческих множеств [7, 249]. Наряду с технологией телескопа, существовали малые техники многочисленных и перекрещивающихся надзоров, взглядов, которые должны видеть, оставаясь невидимыми. Эти обсерватории основываются на почти идеальной модели военного лагеря. Он представляет собой высшую сферу власти. Вся власть осуществляется исключительно путем надзора. Каждый взгляд – сколок с глобального действия власти. У лагеря множество разных схем: точно определяется геометрия проходов, число и расположение палаток, ориентация входов в них, расположение поперечных и продольных рядов. Вычерчивается сеть взглядов, контролирующих друг друга. Лагерь – диаграмма власти, действующей путем организации общей и полной видимости. Для весьма постыдного искусства надзоров лагерь то же, что камера-обскура оптики [7, 251]. Тут развивается целая проблематика: проблематика архитектуры, которая теперь призвана быть инструментом преобразования индивидов: воздействовать на тех, кто в ней находится, управлять их поведением, доводить до них проявления власти, делать их доступными для познания, изменять их. Здание больницы постепенно строится как инструмент медицинского воздействия: больничное здание должно обеспечивать хорошее наблюдение за больными, а следовательно – выбор лучшего способа лечения. Подобно этому, здание школы должно быть механизмом муштры. Пари-Дюверне задумал военную школу как настоящую педагогическую машину [7, 252]. Само здание школы должно было быть аппаратом надзора: спальни размещались вдоль коридора, подобно ряду маленьких келий. Двери уборных укорочены сверху и снизу (чтобы дежурный надзиратель мог видеть головы и ноги учеников), тогда как поперечные перегородки достаточно высоки. Бесконечное детализированное стремление к надзору, выраженное в архитектуре с помощью бесчисленных мелких

приспособлений [7, 253]. Таким образом, дисциплинарная власть действует постоянно и безмолвно, она повсюду и всегда начеку. Благодаря методам надзора „физика” власти – господства над телом – осуществляется по законам оптики и механики, по правилам игры пространств, линий, экранов, пучков, степеней и не прибегает к чрезмерности, силе и насилию [7, 259].

Один из главных инструментов дисциплинарной власти у Фуко выступает экзамен, в котором сочетаются техники надзирающей иерархии и нормализующей санкции. Он делает индивидов видимыми, благодаря чему их можно дифференцировать и наказывать. Поэтому во всех дисциплинарных механизмах экзамен – совершенный ритуал. В нем соединяются церемония власти и формы опыта, применение силы и установление истины. В центре дисциплинарных процедур экзамен демонстрирует подчинение тех, кто воспринимается как объекта, и объективацию тех, кто подчиняется [7, 270].

Экзамен применяется в таких дисциплинарных институтах как больница, которая становится местом формирования и коррекции знания, получаемого из опыта; школа тоже становится своеобразным аппаратом непрерывного экзамена, который дублирует процесс обучения на всем его протяжении. Экзамен позволял учителю, передавая знания, превращать учеников в целую область познания. Экзамен в школе был постоянным обменом знания: он гарантировал переход знаний от учителя к ученику, но и извлекал из ученика знание, предназначенное и приготовленное для учителя. Школа становится местом педагогических исследований, век экзаменуемой школы знаменовал возникновение педагогики как науки [7, 273].

Экзамен вводит целый механизм, связывающий определенный тип формирования знания с определенной формой отправления власти.

1. Экзамен есть метод, который втягивает своих подчиненных в механизм объективации.

2. Экзамен вводит индивидуальность в документальное поле; оставляет после себя детальный архив, повествующий о телах и днях. „Власть записи” сформировалась как существенно важная деталь механизмов дисциплины [7, 365]. Эта проблема решается в больницах, где требуется устанавливать личность больных, проследивать эволюцию болезней, фиксировать начало эпидемии. Эта проблема встает в учебных заведениях, где определяют знания каждого индивида, его уровень и способности. Благодаря аппарату записи экзамен открывает возможность образования индивида как объекта в его индивидуальных чертах, в его конкретной эволюции, в его собственных способностях в рамках постоянного корпуса знания. Эти маленькие техники записи, регистрации, организации полей сравнения, разнесения фактов по столбцам и таблицам, имели решающее значение в эпистемологическом „раскрытии” наук об индивиде [7, 279].

3. Экзамен со всеми его техниками документации превращает каждого индивида в конкретный случай. Случай представляет собой одновременно и объект для отрасли знания, и объект для ветви власти. Именно экзамен, комбинируя иерархический надзор и нормализующее наказание, обеспечивает важнейшие дисциплинарные функции распределения и классификации. Благодаря экзамену „ритуализируются” те дисциплины, которые можно охарактеризовать одним словом: они суть модальность власти, учитывающей индивидуальные отличия [7, 282].

Исследование механизмов власти, действующих посредством дисциплинирования и надзора, помогает понять одно из важнейших событий в истории европейских пенитенциарных систем, а именно повсеместное превращение тюрьмы в главный способ наказания. Такому дисциплинарному институту, как тюрьма, характерен принцип паноптизма. Фуко определяет паноптизм либо конкретно, как оптическую или световую организацию, либо абстрактно, как некую машину, которая не только применяется для определения любой зримой материи вообще (мастерской, казармы, школы, больницы, тюрьмы), но также и пронизывает вообще все высказываемые функции [4, 59]. Бентам сформулировал принцип, согласно которому власть должна быть видимой и недоступной для проверки. Видимой: заключенный всегда должен иметь перед глазами длинную тень центральной башни, откуда за ним наблюдают. Недоступной для проверки: заключенный никогда не должен знать, наблюдают ли за ним в данный конкретный момент, но должен быть уверен, что такое наблюдение всегда возможно. Паноптикон – машина для разбиения пары „видеть – быть видимым”: человек в кольцеобразном здании полностью видим, но сам никогда не видит; из центральной башни надзиратель видит все, но сам невидим [7, 295]. Эта машина производит однородные воздействия власти, изобретает новые механизмы и устанавливает некое идеальное функционирование, которое, в конечном счете, сводится к простому дуализму, но в то же время следует понимать как способ определения отношений власти в терминах повседневной жизни людей.

Уже в начале XIX века тюрьма становится главным институтом всех современных пенитенциарных систем буржуазного общества и обосновывается как якобы наилучшая возможность исправления преступника. Фуко считает, что именно тюрьма наиболее полно отвечает тем механизмам дисциплинирования и всеподнадзорности, которые к этому времени уже подспудно сложились в европейском обществе, хотя и не успели приобрести статуса институциональных форм. Ведь действительная цель судебных реформ, внешне оправдываемых гуманистическими идеалами, состояла вовсе не в том, чтобы наказывать „меньше”, но в том, чтобы наказывать „лучше”: чтобы более тонко и гибко наложить сеть дисциплинарных механизмов на социальное тело, сделать правосудие более действенным и упорядоченным [1, 149]. „Тюрьма ... безусловно знаменует важный момент в истории уголовного правосудия:

его приближение к „гуманности” [7, 338]. Тюремное заключение с начала XIX века означает одновременно и лишение свободы, и техническое преобразование индивидов. Тема паноптикона – одновременно надзора и наблюдения, безопасности и знания, индивидуализации и суммирования, изоляции и прозрачности – обрела в тюрьме привилегированное место практического осуществления. В 1830 – 1840 гг. паноптикон стал архитектурной программой большинства тюремных проектов. Он самым непосредственным образом выражал „разумность дисциплины в камне”, делал архитектуру прозрачной для отправления власти, делал возможной замену силы или насильственных принуждений мягкой эффективностью тотального и беспрощного надзора, упорядочивал пространство в соответствии с недавней гуманизацией кодексов и новой пенитенциарной теорией (создать тюрьму – машину с насквозь просматриваемой камерой, где заключенный оказывается словно „в стеклянном доме греческого философа”, и с центральным пунктом, откуда неотрывный взор может контролировать заключенных и персонал) [7, 365]. Архитектура выступает технологией управления обществом, причем это особо заметно проявляется в XVIII в.

В этот период возникает целый ряд политической литературы, которая описывает, какой порядок должен быть в обществе, каким должен быть город; даются рекомендации о том, как избежать эпидемии, восстаний и мятежей, как придерживаться благопристойной и моральной жизни, свойственной для семьи и т.д. В этих условиях объективации, по мнению Фуко, вопрос о том, как должен быть построен дом, не менее важен вопроса об организации города и формирования коллективной инфраструктуры. Если открыть отчет полиции тех времен, то можно обнаружить, что проблема архитектуры и урбанизации занимало важно место [8, 239].

Такое развитие механизмов власти было тесно связано с развитием механизмов знания. Заключенные – это не только объект подчинения и исправления, то также удобный объект познания, а сама тюрьма – институт не только пенитенциарный, но и лабораторный. Знание является полезным для власти именно в аспекте его истинности, и именно то знание, которое несет истину, является самым эффективным проводником власти.

В итоге, Фуко исследует „генеалогию власти”, которая описывает современную власть – скрытую и противоречивую, которая реализуется неразрывно со знанием. Власть-знание – единый концепт, который означает:

1. власть всегда стимулирует появление новых видов знания, которые представляют новые возможности господства над человеком;
2. знание всегда порождает новые механизмы власти, утончает их, делает более проникновенными и вездесущими. Власть и знание в равной степени определяют характер и формы друг друга. С помощью своих технологий власть организует социальное пространство по принципу всеподнадзорности –

каждый потенциально, реально под наблюдением, должен постоянно следить за собой. Так власть дисциплинирует индивидуальное поведение. Власть реализуется во всем пространстве социума, в любом учреждении, но идеальным ее пространством, по мысли Фуко, остается тюрьма, которая формируется в условиях политического дискурса.

Таким образом, субъект формируется во всей полноте своего содержания под воздействием власти-знания, как одной из стратегий дискурса. На примере школы как системы воспитания и образования, основанной на всеподнадзорности и непеременимости возмездия проступку, predetermined стремлением к истине, прослеживается влияние власти-знания на формирование субъекта. Власть реализуется во всем пространстве социума, в любом учреждении, но, по мнению Фуко, идеальным ее пространством остается тюрьма, которая формируется в условиях политического дискурса.

Литература

1. Автономова Н.С. От „археологии знания” к „генеалогии власти” // Вопросы философии. – 1978. – № 2. – С. 145 – 152.
2. Автономова Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. – М.: Наука, 1977. – 271 с.
3. Автономова Н. С. Эпистемологическая концепция М. Фуко и ее эволюция // Французская философия сегодня: анализ немарксистских концепций. – М.: Наука, 1989. – С. 45 – 64.
4. Делёз Ж. Фуко. – М., 1998. – 172 с.
5. Осика Ю.Л. Насилие: опыт тематизации за пределами микрофизики власти // Революция и современность. – СПб.: Санкт – Петербургское философское общество, 2001. – С.149 – 153.
6. Фуко М. Власть и тело // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – С. 161 – 171.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 460с.
8. Rabinow P. The Foucault Reade. – New York, 1984. – P. 391.

М. О. Таран

ПРОБЛЕМА ОСОБИСТІСНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ У ФІЛОСОФІЇ ХІХ-ХХ СТОЛІТЬ

В статті проаналізована проблема особистісної ідентичності та її бачення філософами ХІХ-ХХ століть. В полі зору автора – дослідження цієї теми відомими представниками німецької класичної та сучасної філософії.

Переважна більшість філософських досліджень ХІХ-ХХ століть спрямована на аналіз становлення та життєдіяльності індивіда, його взаємовідносин з навколишнім світом. Визначальним елементом формування власного „Я” є комплексне поняття ідентичності. Здобуття ідентичності стає запорукою цілісності особистості та перспективою її здатності до відстоювання власних позицій у сучасному мінливому світі. Значущість категорії ідентичності була усвідомлена людством ще в позаминулому столітті і наростає в сучасному світі з прискоренням суспільних трансформацій та процесів інтеграції світової спільноти, коли перед людиною постає завдання не загубити себе, вистояти під натиском глобалізації.

ХІХ століття подарувало світові думку про те, що людина варта бути автономною проблемою філософії, а антропологія виділена у самостійну сферу філософського знання. Обмежений просвітницький індивідуалізм змінився приматом особистості, її першочерговістю перед соціумом.

Засновник німецької класичної філософії І.Кант поділив філософську антропологію на фізіологічну та прагматичну. Людина в прагматичній філософії постає як вільнодіюча істота, яка творить себе власними зусиллями. Кант стверджує, що людину з-поміж інших земних створінь вирізняє здатність усвідомлювати власне існування. Саме завдяки цьому людина є особистістю і в силу єдності свідомості залишається однією і тою ж особистістю в той час, коли речами можна маніпулювати як завгодно.

Людина „мислить себе” з того моменту, коли починає говорити про себе від першої особи. І з цього часу, стверджує Кант, людина повсюди і повсякчас проявляє та стверджує своє Я, що створює передумови розвитку егоїзму. Егоїзму Кант протиставляє плюралізм, „тобто спосіб думок, при якому людина розглядає себе і веде себе не як таку, що охоплює в своєму Я весь світ, а лише як громадянина світу” [8, 23].

Однією із ознак егоїзму є потяг до парадоксальності – обстоювання позицій, що суперечать загальній думці. Протистояння загалу Кант пояснює бажанням здаватися незвичайною людиною і виправдовує необхідністю кожної людини мати та стверджувати власну думку. Парадоксальності протистоїть тривіальність, яка знаходить підтримку в думці загалу, засліплює та присипляє впевненістю. „Парадокси ж, – стверджує Кант, – спонукають душу до уважності та дослідження, а це часто веде до відкриттів” [8, 22].

Послідовник Канта, прихильник суб’єктивного ідеалізму Й.Фіхте визнає руйнівною силою розвитку світу протиріччя: синтез знання – це синтез власне дійсності, „Я” формує не „Я”. Індивід від природи непостійний, весь час змінюються його вподобання, схильності, настрої. Якими ми бачимо себе, так ми розуміємо і людину взагалі та її призначення [2, 17]. Й.Фіхте протиставляє процес пошуку ідентичності людини процесові наближення до Бога. Щоб поєднатися з Богом, необхідно знищити себе, не бути самим собою, а самоусунутись і залишити місце для Бога [6, 132].